

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА,

Командующему войсками въ при-Каспійскомъ краѣ, Нашему Генералъ-Адъютанту, Генералъ-Лейтенанту Князю Арютинскому-Долгорукову.

Примѣрная дѣятельность и неутомимое усердіе постоянно ознаменовывали ваше служебное поприще. Нынѣ приобрѣли вы особенныя права на Монаршее благоволеніе Наше, обезпечивъ спокойствіе Дагестана бдительностію и благоразумною распорядительностію вашею, по части военной и административной.

Въ справедливомъ вниманіи къ важнымъ заслугамъ вашимъ, по засвидѣтельствованію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Мы Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ препровожаемые у сего алмазные знаки ордена Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, пребывая Императорскою милостию Нашею къ вамъ благосклонны.

С.-Петербургъ, Декабря 6-го дня 1850 года.

На подлинной собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Второе письмо изъ Алагирскаго завода (*).

27 Октября, 1850 года, партія горныхъ мастеровыхъ, снаряженная для производства въ некоторыхъ работъ на Садонскомъ рудникѣ, отправилась туда изъ Алагирскаго завода. Всѣмъ за нею отправился и я. Это былъ мой первый выѣздъ въ глубину горъ. Признаюсь, какъ ни казалось мнѣ, что я имѣю уже нѣкоторое понятіе о Кавказскихъ горахъ и о способѣ путешествія по нимъ, но самое дѣло далеко доказало мнѣ противное. И такъ, 27 числа, послѣ обѣда, мы сѣли на лошадей и чрезъ полчаса были уже въ Алагирскомъ ущельи. Здѣсь, подъ словомъ мы, я разумѣю, что со мной ѣхалъ еще одинъ молодой офицеръ горнаго вѣдомства Ш.—искать славы и приключеній на Садонскомъ рудникѣ; потомъ Грекъ Спиридонъ Чекаловъ, человекъ весьма полезный на Кавказѣ и съ которымъ, въ предлежащей статьѣ, я постараюсь познакомить читателя; потомъ еще два милиціонера изъ Осетинъ, и наконецъ денщикъ съ выюками. Погода стояла хорошая: холодъ не провималя очень, да и солнце не пекло сильно. Дорога сначала шла гладкая, лошади не спотыкались и никто съ нихъ не падалъ. Милиціонеры сзади тянули что-то такое заунывное, а мы, закуривши трубки, весело разговаривали о томъ, что пройдѣмъ горы безъ страха, приѣдемъ на рудникъ безъ горя, проживемъ тамъ безъ нужды и потомъ, вернувшись въ Алагиръ, будемъ рассказывать всѣмъ на досугъ: какихъ мы тамъ чудесъ насмотрѣлись и сколько славныхъ дѣлъ совершили. Словомъ сказать, мы были въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Передъ самымъ ущельемъ мы проѣхали уже известную читателю рѣчку Марайдонъ, потомъ перешагнули разныя грязныя ложбинки, перепрыгнули чрезъ крошечныя

Его Императорское Величество, въ присутствіи Своемъ въ С. Петербургѣ, соизволивъ отдать слѣдующіе Приказы:

Ноября 22-го дня 1850 года. Переводятся: По Линійнымъ баталіонамъ Линійныхъ баталіоновъ: Кавказскаго № 1-го, Прапорщикъ Добровольскій, въ Нижегородскій Егерскій полкъ. Въ Грузинскіи Линійные баталіоны Грузинскихъ: № 2-го, Прапорщикъ Жеревскій—№ 5-го. № 10-го, Подполковникъ Маркозовъ—№ 9-го. № 12-го, Майоръ Держановскій—№ 10-го. Черноморскаго № 4-го, Капитанъ Тимошенко, въ Егерскій Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева полкъ.

— Декабря 16-го дня. Переводятся. По Пѣхотѣ. Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка Майоръ Князь Шаликовъ, въ Тифлісскій Егерскій полкъ. Апшеронскаго Пѣхотнаго полка Прапорщикъ Дискій, въ Харьковскій Внутренній Гарнизонный баталіонъ. По Линійнымъ баталіонамъ. Черноморскаго Линійнаго баталіона № 7-го Капитанъ Бастоновъ, въ Провіантскій штабъ, съ зачисленіемъ по Арміи.

— Декабря 19-го, Зачисляется. По Пѣхотѣ. Пятигорскій Городничій, Апшеронскаго Пѣхотнаго полка майоръ Назимко, по Арміи съ оставленіемъ въ настоящей должности. Переводится. Рижскаго Драгунскаго полка Поручикъ Голиковъ, въ Ставропольскій Егерскій полкъ.

ТИФЛИСЪ.

Учрежденный съ Высочайшаго соизволенія при Кавказскихъ минеральныхъ водахъ Медицинскій Комитетъ, во вниманіи къ пользѣ больныхъ, посѣщающихъ эти воды, для изцѣленія ихъ тяжкихъ недуговъ, признавъ необходимымъ, чтобы пріѣзжающіе къ водамъ частныя больные были снабжаемы хотя краткими, но удовлетворительными исторіями болѣзней, съ приложеніемъ способа прелестествовавшего ихъ леченія.

По чему Комитетъ объявляя объ этомъ полезномъ предположеніи, честь имѣетъ пригласить гг. Врачей-практиковъ исполненіемъ онаго содѣйствовать къ пользѣ больныхъ, посылаемыхъ ими къ минеральнымъ водамъ для леченія.

САЯТЪ-НОВА.

(Окончаніе).

Посмотрите, съ какою любовью разговариваетъ Саятъ-нова съ своею скрипкою.

«Ты многихъ удерживъ въ бѣдѣ до разсвѣта, — многихъ усыпишь какъ опіумъ. Ты—зо-

ручейки, и затѣмъ ровная и сухая дорога слишкомъ на версту легла передъ нами. Какъ туго не поджигивать, хотя бы съ опасностію даже сломить себѣ шею. Ногайки взвились, лошади понеслись—и нашу маленькую кавалькаду только и видѣли на гладкой дорогѣ. Впередъ, Чекаловъ! кричалъ самъ Чекаловъ, подавшись впередъ и молодцомъ избоченявшись на сдѣлѣ. Впередъ, повторяли мы за нимъ, хотя, по-крайней-мѣрѣ, я рѣшительно не могъ поручиться, что точно буду впереди, а не останусь, какъ ни-будь, въ слѣдствіе разныхъ хитростей коня, сзади одинъ и въ положеніи уже не сидимъ, а близко подходящемъ къ лежачему. Что дѣлать, видно я еще не постигъ верховаго искусства во всей его силѣ. Такъ неслись мы, полные властелины, или вѣрнѣе, полные рабы своихъ коней. Всякій человекъ, какой только ни попадался намъ на дорогѣ—солдатъ или мастеровой или Азіатъ какой горемычный, всѣ стонали передъ нами, всѣ давали дорогу и потомъ долго, долго смотрѣли за нами съ почтеніемъ, на вѣрное говоря прожегъ собою: — Вишь какъ дуютъ они! Такъ неслись мы, словно земля разступалась за нами или, по-крайней-мѣрѣ, Черкесь настигалъ насъ и посылаля пулю за пулей, какъ вдругъ... Разъ, два, три, пошла пальба, только горы трещать. Но не безпокойтесь, изъ насъ никто не былъ ни убитъ, ни раненъ даже; эти выстрѣлы нисколько не убійственны. Это Греки ломали на части трахитовую гору, вправо отъ насъ прорывавшуюся между известняками.

Здѣсь я не могу умолчать о томъ наивномъ обращеніи, которое Греки дозволяютъ себѣ съ порохомъ. Выскривши, какъ обыкновенно, стволъ въ трахитъ или въ другой какой горной породѣ, Грекъ кладетъ туда известный зарядъ пороха и засыпая его, по-не многу, тою-же трахитовою дресвой, къ которой иногда примѣшиваются и кварцевыя гальки, начинаетъ все это уколачивать желѣзнымъ шомполомъ. При ударѣ

желѣза о кварцъ легко можетъ выскочить искра и поднять Грека на воздухъ. Но ему какое дѣло. И это еще не все. При самой забивкѣ заряда, для передачи ему огня, оставляется, во всю длину ствола, небольшой круглый каналъ. Этотъ каналъ Грекъ снова засыпаетъ порохомъ, такъ, чтобы поверхность ствола осталась еще небольшая кучка его, потомъ всаживаетъ въ эту кучку кусокъ трута и затѣмъ прехладнокровно высквасаетъ огонь. Тогда онъ зажигаетъ кусокъ трута, всаженный въ порохъ, и самъ тотчасъ-же прячется за первую ближайшую скалу, въ то самое мгновеніе, какъ происходитъ взрывъ и гора трескается и бросаетъ съ силой, во всѣ стороны, камни. Напрасно вы станете увѣрять Грека, что при такой работѣ, онъ ежедневно раскуетъ, разъ двадцать, взлетѣть на воздухъ и, что есть способы заряданія несравненно безопаснѣйшіе—Грекъ ни чему не внимаетъ и только, можетъ-быть, отвѣтитъ вамъ, что подобнымъ образомъ работали при самомъ Александрѣ Македонскомъ, а потому лучше и безопаснѣе этого способа, сколько ни думай, ничего не придумаешь.

Осмотрѣвши дѣйствіе зарядовъ, мы продолжали далѣе свой путь шагомъ. Ущелье пока широко раздалось вокругъ насъ, ограниченное съ обѣихъ сторонъ невысокими горами. Рѣка Ардонъ текла въ немъ свободно, на просторѣ, и мѣстами захватывала подъ себя ложе слишкомъ въ сто сажень шириною. Занимая правую сторону ущелья, она издали обозначалась грядою бѣлыхъ камней, по которымъ и между которыми она быстро неслась, разбиваясь по минутѣ на многія отдѣльныя русла. Дорога наша съ минуты на минуту становилась все хуже и хуже. То грязь, то большая лужа, то мостикъ опять дрянной, тутъ не раскочешься. Съ досадою поглядывали мы на прекрасное шоссе, которое велось подлѣ, и не смотря ни на какія преграды, вплоть до Садонскаго рудника будетъ идти по самому ущелью; но пока, не

(*). См. Кавказъ 1850 года № 89, 90, 91.

Въ заключеніе статьи моей, предлагаю стихотвореніе, написанное подъ влияніемъ одной изъ пѣсенъ Саятъ-нова. Не смѣю назвать стихи мои переводомъ: когда я писалъ ихъ, я только помнилъ мотивъ и давалъ полную волю своей фантазіи.

Много песковъ поглощаютъ моря, унося ихъ волнами, Но берега ихъ сыпучими вѣчно покрыты песками.

Много и пѣсенъ умчѣтъ навсегда невозвратное время— Новые встанутъ пѣвцы и услышатъ ихъ новое племя.

Если погибну я, знаю, что мѣръ мой пѣсни забудеть, Но для тебя, нѣжный другъ мой, другаго пѣвца ужъ не будетъ.

Если погибну я, знаю, что свѣтъ не замѣтитъ утраты— Ты только вспомнишь тѣ пѣсни, подъ звуки которыхъ цвѣла ты.

Я просвѣтилъ твое сердце—а ты, ты мой умъ помрачила; Я улыбаюсь училъ—а ты плакать меня научила.

Такъ, если смолкну я, страстно любя тебя, другъ благородный, Гдѣ, разрѣши мнѣ, послѣдній вопросъ мой—гдѣ будетъ холодный

Прахъ мой покопѣлся? Тамъ ли—въ далекихъ предѣлахъ чужбины, Здѣсь ли, въ саду у тебя, близъ тебя подъ навѣсомъ раины?...

Я. Полонскій.

РОСПИСЬ III.

Привозимыя товары, которыя тарифъ въ 1844 года запрещены, но по тарифу 1850 года къ привозу дозволены.

(Продолженіе).

Съ числа, Привозная по-мѣры или шлина по тарифу 1850 г.

Table with 4 columns: №, Званіе товаровъ, вѣса, фу 1850 г. Includes items like 23. Посуда фарфоровая, 24. Съ живописью всякою, 25. Пудра благовонная, etc.

Table with 2 columns: Description of items (e.g., 41. Мебель всякая, 42. Шерстяныя матеріи), and weight/measurements.

РОСПИСЬ IV.

Предметамъ и товарамъ, которые остаются запрещенными къ привозу по тарифу 1850 года,

- 1. Билеты кредитные в Государственного Казначейства. 2. » иностранныхъ и Варшавскихъ лотерей 3. Бланкеты для кондосаментовъ и другихъ бумага.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Съ разрѣшенія Его Сіятельства Князя Намѣстника Кавказскаго, изданіе и редакцію газеты «Кавказъ», по случаю отбытія изъ здѣшняго края Г. Константина, принялъ на себя И. А. Сливницкій.

На тифлисскомъ театрѣ, въ Четвергъ 11 Января, представлено будетъ, въ пользу Г. Яблочкина въ первый разъ: БѢДА ОТЪ НѢЖНАГО СЕРДЦА. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Гр. Сологуба.

ПРІѢХАЛИ: 5-го Января, изъ С. Петербурга Коллежскій Ассесоръ Сиріотъ; изъ г. Орла учитель кутаиской гимназіи Жерридо; изъ ур. Ханъ-Кенлы Прaporщикъ Кудралоцевъ; 7-го Января, изъ Шуры Генераль-Адъютантъ Князь Артуринскій-Долгорукой;

ВЫѢХАЛИ: 5-го Января, на Донъ Маіоръ Кошлыковъ; въ Редутъ-Кале Капитанъ Гогель; 7-го Января, на Царскіе колодцы Подполковникъ Аллицовъ; 8-го Января, въ Шушу Титулярный Совѣтникъ Пигулевскій;

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ТИФЛИСѢ, 1851 ГОДА. Table with columns: Часы набл., Термометръ Р°, вѣстость воздуха, Барометръ при 13 1/2° Р. Русск. полулин., Направленіе вѣтра, Состояніе Неба, Наименьшая Темпер. Рео., Мѣсяць и число.

Примѣчаніе 5-го Января въ 6 часовъ 32 минуты вечера видно было затмѣніе луны и продолжалось до 8-ми часовъ 58 минутъ того же вечера.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.